

Футбол как глобальный феномен

Исторические перспективы¹

Футбол сегодня поистине глобальная игра. Во время последнего Чемпионата мира в Японии и Корее в 2002 г. эксперты насчитали 28,8 миллиардов телевизионных включений. Это значит, что каждый из 6,2 миллиардов жителей Земли, по статистике, более четырех раз подключался к финалу турнира. Однако дело не сводится к медийному событию, а побуждает людей во всем мире к спортивной активности. Согласно «Big Count», статистическому исследованию Международной Федерации Футбольных Ассоциаций – FIFA (Fédération Internationale de Football Association), проведенному в 2000 году, общее число игроков в мире составляет 242 миллиона, что соответствует 4,1 % населения Земли. FIFA насчитывает 207 обществ-членов и, таким образом, ареал ее распространения на Земле даже шире, чем у ООН.

Такой всемирный массовый феномен нуждается в объяснении. С каких пор футбол настолько любим? На чем основывается популярность игры? Каковы социальные, экономические, политические и культурные условия успеха его распространения? В данной статье представляются два исторических ответа на эти вопросы. Во-первых, в ней показано, как на своей родине, в Англии, футбол был поставлен на рациональную организационную основу, которая могла воспроизводиться везде в мире. Во-вторых, – какие импульсы дала современному футболу богатая переменами история XX века, и как это повлияло на собственную динамику игры.²

Рационализация игры в футбол

Авторы многих старых и некоторых новых книг о футболе уверяют своих читателей в том, что эта игра так же стара, как само человечество, и указыва-

¹ Впервые опубликовано: Aus Politik und Zeitgeschichte. Приложение к еженедельной газете «Das Parlament» В 26 / 2004. S. 7–15.

² Первая часть данной статьи опирается на: Christiane Eisenberg (Hg.). *Fußball, soccer, calcio. Ein englischer Sport auf seinem Weg um die Welt*. München, 1997 и напечатанные там исследования по отдельным странам. Вторая часть обобщает результаты только что оконченого исследования: Christiane Eisenberg, Pierre Lanfranchi, Tony Mason, Alfred Wahl. *FIFA 1904–2004. 100 Jahre Weltfußball*. Göttingen, 2004. Со ссылкой на эти работы рассуждения в данной статье сокращены.

ют на ее бесчисленных предшественниц в доиндустриальной народной культуре: calcio, игру флорентийской знати эпохи Ренессанса, kalagut эскимосов, русскую лапту, японскую kemaeri и швейцарскую Hornussen. Также и в Англии, родине современной игры, в футбол играли уже в доиндустриальную эпоху. Действительно ли существуют связи между этими традиционными примерами и современным футболом — это совершенно другой вопрос, требующий дифференцированного ответа. Так, с одной стороны, во второй половине XIX столетия, когда обретал свой облик современный футбол, большинства из этих игр давно уже не существовало. С другой, — именно в Англии начавшаяся уже в доиндустриальную эпоху урбанизация повлияла на то, что некоторые элементы «популярной культуры» в том числе различные виды игры в мяч вошли в повседневную жизнь растущих городов.³ Тем не менее и для Англии этот тезис о непрерывности можно рассматривать лишь с ограничениями, так как современная игра в футбол возникла не на зеленом газоне, а за зеленым столом:

23 октября 1863 представители футбольных команд аристократических public school, а также университетов Оксфорда и Кембриджа собрались в лондонской таверне Вольных каменщиков (Freemasons' Tavern), чтобы унифицировать в высшей степени отличающиеся друг от друга правила игры отдельных учебных заведений. Они хотели создать условия для того, чтобы их команды могли проводить между собой матчи, не договариваясь каждый раз заново о правилах и не споря затем об их толковании. Результатом этой встречи джентльменов стало поэтому не только установление обязательных правил игры, но и основание Футбольной ассоциации (FA), которая должна была исполнять обязанности органа надзора и в спорных случаях имела монопольное право интерпретации. Этот день можно считать днем рождения современного футбола, так как обе эти меры вместе создали условия для его успешной институционализации и воспроизведения. Конкретная разработка правил игры также была шагом в будущее:

Во-первых, в ходе своего совещания основатели игры решили отказаться от характерной для школы регби манеры игры с овальным мячом, когда разрешалось играть руками и пинать соперника, и приняли другой вариант: с круглым мячом, который игроки могли перемещать по полю только с помощью ног. Эта манера игры более безопасна и подходила в том числе и для работающих людей. В ней было место силе и артистичности, расчету и спонтанности. А так как атлеты должны были принимать на себя определенные роли, например, нападающего, защитника или вратаря, то здесь, как в драме, могли проявляться индивидуальность и дух солидарности, эгоцентризм и готовность к самопожертвованию, замашки кинозвезды и героизм.

Во-вторых, Футбольная ассоциация претендовала на неограниченный авторитет в сфере своей игры. Она не только организовала публикацию установленных правил, но и посредством лицензирования судей и других специалистов приняла меры к их исполнению. Эти меры препятствовали возникновению споров среди атлетов. В то же время они определяли границу между абстрактной игрой и ее конкретной средой и препятствовали внешним вме-

³ Cp. John Goulstone. *Football's Secret History*. London, 2001.

шательствам в ход соревнований. Таким образом, футбол сохранял самостоятельность и мог развиваться в соответствии с собственным характером.

В-третьих, Футбольная ассоциация стимулировала развитие спортивных связей. Определяющими мерами здесь стали организация системы лиг, начиная с самого нижнего местного уровня, и учреждение приза: разыгрываемого с 1871 года кубка FA («FA-Cup»). Благодаря этому теперь можно было проводить и косвенное сравнение достижений команд. Одновременно игры, по отдельности представлявшие собой дискретные события, были приведены в систему и обрели «историю» («легендарные матчи», «эра» определенного клуба, игрока и т. д.). Таким образом, футбол стал элементом «культуры Нового времени», которая согласно популярному определению отличается тем, что соединяет «преходящее», «случайное» с «вечным».⁴ И еще: благодаря периодичности матчей футбол смог вступить в столь важный для его развития симбиоз с прессой и коммерцией.

В-четвертых, Футбольная ассоциация отказалась от установки социальных критериев участия. В отличие от аналогичных организаций по легкой атлетике, гребле и плаванию, которые были основаны всего на несколько лет позже, в футбольной организации слово «любитель» даже не упоминалось. Очевидно, джентльмены не предвидели, что игра когда-либо сможет стать чем-то иным, кроме как средством для доставления удовольствия им подобным. Тем не менее социальная открытость футбола сохранилась и тогда, когда в начале 80-х годов часть членов попыталась отстранить от участия в играх лиги клубы, которые возмещали игрокам из среды рабочих больше, чем составляли накладные расходы. Вместо этого Футбольная ассоциация ввела статус профессионального игрока и в 1888 году основала профессиональную футбольную лигу.

Эти меры по регуляции и организации превратили командную игру, кратко называемую «*Soccer*», в удовольствие, которому можно было предаваться практически везде, где было в наличии соответствующее нормам место. И это удовольствие мог разделить всякий: в качестве активного игрока, зрителя, читателя газет или участника непринужденной беседы.

В Англии, где *Soccer*-футбол вскоре уже мог похвастаться большой популярностью, этот универсальный характер проявился в частности в том, что эта первоначально находившаяся в ведомстве буржуазных джентльменов игра всего за несколько лет превратилась в характерный элемент рабочей культуры. Правда среди членов клубов и, тем более, среди их функционеров рабочие составляли лишь меньшинство. Однако в условиях английской высокой индустриализации именно они оставили свой след в зарождающейся культуре футбола. И не только потому, что из их рядов вышли лучшие и известнейшие профессионалы и полупрофессионалы, но и потому, что значительно возросшая за период с 1870 по 1880 г. заработная плата и отвоеванное профсоюзами право на свободную вторую половину дня по субботам позволяли им регулярно ходить на футбол и участвовать в мероприятиях лиги. К 1910 году число зрителей на лучших играх *Aston Villa*, *Preston North End* и *Blackburn Rovers* составило в среднем 10 000. А во время сезона 1913-14 гг. игры английской

⁴ С. Baudelaire. *Zur Ästhetik der Malerei und der bildenden Kunst* (= Werke, Bd. 4). Minden, 1906. S. 286.

футбольной лиги посетило в среднем 23 000 человек.⁵ Финал кубка этого года поставил довоенный рекорд: 120 000 зрителей.

Из Англии по всему миру

Универсальность качества находящегося под контролем FA английского футбола выражалась, сверх того, в том, что он находил приверженцев и вне своей «родины». Предпосылкой для такого культурного обмена стала техническая новинка индустриальной эпохи – современный пароход. Это транспортное средство, начиная с XIX века, способствовало тому, что европейские трансатлантические путешествия достигли небывалых масштабов, а также общей активизации сообщений между Англией и европейским континентом.

Немало британцев, садящихся на пароходы, везли в своем багаже футбольные мячи.⁶ В первую очередь здесь следует назвать состоятельных туристов, представителей «аристократии» («aristocracy») и «верхушки среднего класса» («upper middle class»), которые, отправившись на Европейский континент, пытались уклониться от побочных явлений, связанных с началом массового туризма на острове. Не только Ницца и Канны, Аlassiо, Портофино и Сан-Ремо, но и модные немецкие курорты, такие как Бад-Хомбург, Висбаден и Баден-Баден, всего за несколько лет приспособились к спортивным склонностям многочисленных гостей. Распространителями игры в футбол были также коммерсанты, банкиры и промышленники со своими менеджерами, открывавшие в Европе и трансатлантических странах свои филиалы, чтобы использовать дешевую рабочую силу. Британские инженеры и техники, которые строили в европейских метрополиях газо- и водопроводы и другие объекты инфраструктуры, а также студенты, получавшие образование в технических университетах Германии и Швейцарии, тоже играли важную роль в распространении футбола за пределами британских островов. Там, где их потребность в контактах приводила к основанию клубов и проведению соревнований, на арену вскоре выходили и экономические интересы, чтобы открыть рынок для спортивных товаров и газет. Местные жители тоже начинали интересоваться футболом. Нередко британцы сами приглашали их к участию – потому что не было противника или команда была неполной.

Новые игроки или противники рекрутировались в первую очередь из непосредственного окружения британцев. Это были партнеры по бизнесу, менеджеры и техники, а в Западной и Восточной Европе еще и отпрыски аристократических семей или, как в Южной Америке, сыновья традиционной элиты, которые воспитывались в созданных там британцами колледжах. Многие из новых футболистов сами были эмигрантами, и сравнительно большая часть рекрутировалась из евреев, студентов и растущей армии служащих, в известной мере лишенной традиций и возникшего лишь в условиях высокой индустриализации слоя. Общим для всех этих групп было то, что они составляли

⁵ Zahlen nach Wray Vamplew. *Pay up and Play the Game. Professional Sport in Britain 1875–1914*. Cambridge, 1988. S. 62.

⁶ Подробнее об этом: Tony Mason. *Some Englishmen and Scotsmen abroad: the spread of world football* // Alan Tomlinson, Garry Whannel (Hg.). *Off the Ball. The Football World Cup*. London, 1986. S. 68 f.; а также работы см. сноску 1.

периферию буржуазного общества и стремились к социальной интеграции. Рабочие, напротив, держались далеко в стороне от игры, потому что у них на это не было ни денег, ни времени, и потому, что они предпочитали другие занятия для свободного времени, например, физкультуру и то, что предлагало им организованное рабочее движение, или потому, что, как в Бразилии или других южноамериканских странах, из-за отставания индустриализации их вообще было очень мало.

Именно этот характер представительства средних, а частично и высших слоев общества, отличал футбол европейских и южноамериканских стран-импортеров от английского прототипа. В то время как в английский футбол, уже с 80-х годов XIX века, в значительной степени утратил характер развлечения для джентльменов и вскоре стал считаться подлинным элементом рабочей культуры, за пределами Англии игра и в XX столетии частично еще сохраняла приобретенный ею в период зарождения элитарный характер. Для институционализации футбола это составляло преимущество в том смысле, что таким образом достигалась социальная близость к политическому истеблишменту и его финансовым средствам. Так или иначе, футбол во многих странах поддерживался династиями, военными, политиками и государственными учреждениями.

Культурное значение футбола

В этой социальной среде футбол олицетворял специфическое новое жизневосприятие рубежа столетий, характерное в первую очередь для преуспевающих людей и «selfmademen», открытых для всего нового и мало заботящихся об условностях. Для многих из них использование английского языка и имитация «English way of life» были попыткой дистанцироваться от определенных унаследованных образцов собственной культуры, таких, например, как физкультурное движение с его склонностью к коллективизму и педантичности. Для признания и успешного распространения такой статьи импорта, как футбол, прогрессивность приверженцев была хотя и необходимым, но недостаточным условием. Этот спорт пускал корни на новой почве только тогда, когда социально абстрактную форму игры удавалось наполнить конкретным, соответствующим специфике данного общества смысловым содержанием. Там, где это не удалось, например, в Японии, современники не различали на футбольном поле ничего, кроме бегающих за мячом двенадцати фигур в коротких штанах.

Благотворной средой для формирования такого «смысла» были разнообразные этнические субкультуры, существовавшие, например, в австрийской кайзеровско-королевской двойной монархии и заокеанских переселенческих государствах. Существование этих субкультур вело в известной степени к «естественному» формированию команд и игровых пар, например, богемцы против хорватов или итальянцы против греков. Однако этот эффект мог очень скоро исчезнуть, если учесть, что иммигранты, как, например, в США, успешно ассимилировались национальными культурами. Более устойчивым поэтому было «придание смысла» гипертрофированному национализму и великодержавным фантазиям рубежа столетий, тем более, что это стимулировало соперничество

с британскими метрами. В подогреваемой политикой и агрессивной атмосфере последних лет накануне Первой мировой войны этот процесс вел к эмансипации от британских мастеров и к вытеснению естественного космополитизма периода до 1900 г. Внешним признаком этого стал отказ от английского спортивного языка. Футбольные союзы, которые — за исключением Немецкой футбольной федерации («Deutsche Fußball-Bund») в Германии — сначала назывались, как и в Англии, Футбольными ассоциациями («Football Association»), получили теперь новые имена на языках соответствующих стран, и из «football» получился «Fußball» или «voetbal»; итальянцы выбрали «calcio», название старинной флорентийской игры времен Ренессанса.

От элитарного — к массовому спорту

После Первой мировой в большинстве стран, где игра успешно прижилась до 1917 г., она развилась в массовый феномен. В Южной Америке этот подъем был обусловлен взлетом индустриализации, а в России, кроме того, и Октябрьской революцией, которая вынуждала к расширению социальной базы. В Западной и Центральной Европе именно Первая мировая война придала развитию игры решающие импульсы:

Все участвовавшие в ней армии самое позднее с переходом к позиционной войне 1916–17 годов проводили соревнования и создали упорядоченную систему тренировок для поддержания войсковой морали. Футбол (и изобретенный незадолго до этого гандбол) стали излюбленными дисциплинами, которые, как вскоре с неодобрением отмечал один прусский генерал: «больше влияли на войсковую жизнь отдельных подразделений, чем разумная служба с оружием». ⁷ Не только на поколения, рожденные в 90-е годы XVIII века, но и на более старшие, мировая война подействовала, таким образом, как «рекламная акция» спорта, имевшая далеко идущие последствия в период после 1918 года. Во-первых, в спортивные клубы, союзы и на спортивные трибуны повалили «толпы» вернувшихся с войны. Существовавшие до сих пор кумиры и соревнования утратили свой элитарный характер. Во-вторых, многие из тех футболистов, подвергшихся во время войны спортивной социализации, вместе с военной формой не избавились от усвоенного понимания спорта, как избавились от своей униформы — процесс, обусловленный в проигравших странах еще и тем, что военные командные инстанции под влиянием поражения и, как это было в Германии, революционных событий, старались при помощи соответствующих предложений успокоить и направить в нужные руслу потоки демобилизованных. ⁸ Происшедшее в ходе войны смешение спортивных и солдатских добродетелей полностью преодолеть все же не удалось, и на футбольных стадионах можно было наблюдать небывалое до сих пор количество нарушений и грубость. Общественное мнение ошибочно принимало это за последствия прелетаризации, которая между тем происходила весьма медленно.

⁷ Georg Maercker. *Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Revolution*. Leipzig, 1921. S. 309.

⁸ В отношении Германии ср. Christiane Eisenberg. *«English sports» und deutsche Bürger. Eine Gesellschaftsgeschichte 1800–1939*. Paderborn, 1999. Kap. 5.

Профессиональный футбол и интернационализация спортивных связей

Был ли массовый характер игры обусловлен мировой войной или другими факторами — сопутствовавшие ему явления во всем мире были одинаковы:

Во-первых, произошла дифференциация уровней, и в метрополиях образовались соперничающие команды экстра-класса, отождествляемые публикой с определенными этническими, конфессиональными и социальными культурами, не смотря на то, что их социальная база не обязательно ограничивалась соответствующей субкультурой. Нередко случалось, что такие символические конфликты, возникнув в ходе игры, затем искусственно раздувались.

Во-вторых, футбол заинтересовал и тех современников, которые сами никогда не играли. Число зрителей достигало тысяч и десятков тысяч, и впервые клубам за пределами Англии стало удаваться получать регулярные доходы с продажи входных билетов. Большинство знаменитых футбольных стадионов Южной Америки и Европы (включая лондонский стадион Wembley) возникли в период этого бума после Первой мировой войны.

В-третьих, активизировалось спортивное движение в континентальной Европе и в Южной Америке. Чтобы заполнить новые большие стадионы, клубы приглашали иностранные команды, а чтобы иметь возможность оплачивать ипотеки, их команды отправлялись в заграничные турне. Кроме того, появились международные турниры. Южноамериканские футбольные страны, которые уже в 1916 году объединились в Южноамериканскую футбольную конфедерацию (Confederación Sudamericana de Fútbol — CONMEBOL), с 1920 года боролись за кубок, а с 1922 года — за первенство Южной Америки. Проигравшие в мировой войне европейские страны, которые бойкотировались странами-победителями и были отстранены от участия в Олимпийских играх, в свою очередь, организовывали международные футбольные турниры клубных команд: с 1927 года за Кубок Митропа (Mitropa-Cup), и с 1929 за кубок Балкан и Балтики (Balkan- und Baltic-Cup).

Все эти факторы способствовали тому, что примерно с середины 20-х годов начались дискуссии по поводу профессионального футбола. Игроки экстра-класса считали, что союзы постоянно увеличивают их нагрузки и требовали своей части доходов. Официальные лица клубов и союзов, как правило, представители поколения основоположников, напротив настаивали на принципе любительства — отчасти из финансовых соображений, отчасти по политическим мотивам: футболисты должны были быть героическим примером и поэтому, по меньшей мере, для профформы оставаться идеалистами. Тема профессионализма так активно обсуждалась в международном масштабе еще и в связи с трудностями, возникавшими при определении самой сути дела. В некоторых случаях, например, в Бразилии, мнимое любительство было элементом эксплуататорских отношений. В других, таких как Советский Союз и Германия, отсутствие договоров с игроками позволяло, оптимально использовать возможности рынка.

Утверждение профессионального футбола, на коммерческой ли основе или под эгидой любительства на государственном обеспечении, как в Советском Союзе, произошло в большинстве европейских стран (за исключени-

ем Германии)⁹ в начале 30-х годов, то есть на 40 лет позже, чем на «родине», в Англии. Первым импульсом для этого стали промышленный кризис и связанная с ним безработица, из-за которой многие европейские игроки оказались в ситуации, когда средства к существованию они могли получать лишь из «нелегальных» футбольных доходов. Вторым импульсом стало принятое в 1930 году после разногласий с МОК по поводу любительского статуса решение ФИФА, в короткие сроки организовать первенство мира по футболу. Первый турнир, который в том же году с большими затратами был организован в Уругвае, затронул все «футбольные нации», независимо от того, была ли представлена их команда или нет:

Прежде всего, чемпионат мира расширил до сих пор ограниченное Европой международное пространство игры, что привело к тому, что в первую очередь в южноамериканских странах со слабым капиталом начался исход игроков экстра-класса. Введение там оплачиваемого футбола было главным образом мерой по удержанию звезд в стране.¹⁰

Эти перемещения игроков в свою очередь воздействовали на манеру игры, причем аргентино-итальянский трансатлантический «контакт» показал себя особенно продуктивным. Например, благодаря этому контакту «Ювентус» создал себе легендарную команду из инициативных игроков, из которых здесь достаточно назвать лишь аргентинскую звезду Раймундо Орси. Австрийский «дунайский футбол», напротив, оставался связанным с центральноевропейским контекстом своего возникновения — подтверждение тому, что глобальный обмен в то время был важнее, чем европейский.

И наконец, чемпионат мира стал новым стимулом спортивного национализма. Для соперничества на международном уровне, так же как для соперничества на городском, было сравнительно несущественно, лежали ли при этом в его основе реальные политические конфликты или нет. Одного желания выстоять в международном соперничестве было достаточно, чтобы пробудить интерес общественности в отдельных странах.

Этот вывод о том, что, начиная с 1920-30-х гг., игра развивалась согласно собственной динамике и стала фактором *sui generis*, объясняет различные суждения в литературе об отношениях футбола и политики в условиях диктатур и авторитарных режимов Европы и Южной Америки. С одной стороны, в Советском Союзе при Сталине и в Австрии времен «аншлюса» с национал-социалистической Германией имели место акты произвола, депортации и даже убийства. С другой — спортивное движение там, также как и в фашистской Италии, процветало не только вопреки, но зачастую именно благодаря вмешательствам «сверху»: диктаторы строили стадионы, предоставляли общественные средства для организации тренировочных лагерей и мобилизовали с помощью своих политических массовых организаций большое количество зрителей.¹¹ Этим можно объяснить то, почему страны, которые в межвоенное

⁹ Здесь, принятое в 1932 г. решение о создании Рейслиги не осуществилось из-за прихода к власти национал-социалистов. Только основание Бундеслиги в 1963 г. восполнило этот пробел.

¹⁰ Ср. Pierre Lanfranchi, Matthew Taylor. *Moving with the Ball. The Migration of Professional Footballers*. Oxford, 2001. KaS. 3.

¹¹ Ср. статьи Riordan и Archetti в: Eisenberg (Hg.) (Прим. 1); Richard Giulianotti & G.S.T. Finn. *Epilogue: Old Visions, Old Issues – New Horizons, New Openings? Change, Continuity and other Contradictions in*

время сохранили демократию, и в которых спорт рассматривался как частное дело, а именно Франция, Швейцария, США, Австралия и не в последнюю очередь Великобритания, теперь были отброшены назад или — это относится к тем нациям, которые с самого начала держались в стороне от футбола — еще больше отставали. В 1928 году английская FA в знак протеста против политизации футбола (а также против свободного обращения с правилами для любителей) даже вышла из Международного футбольного союза FIFA, так что «родина» современного футбола в международном смысле попала в изоляцию.

Конфликт европейских и внеевропейских интересов

Инстанцией, регулировавшей и контролировавшей международную организацию и проведение игр, была основанная в 1904 году FIFA, которая, начиная с 1930 года, каждые четыре года организовывала чемпионаты мира по футболу. С самого начала FIFA претендовала на мировую монополию, однако в отношении состава своей руководящей верхушки и ее политики она оставалась, прежде всего, организацией, где доминировали европейцы.

После Второй мировой войны это должно было измениться. Игровое движение в Европе между 1939 и 1945 годами все более ограничивалось, а затем и вовсе пришло в упадок. В противоположность этому развитие игры во внеевропейских странах шло непрерывно, благодаря тому, что эти страны или вообще не участвовали в мировой войне, или, по меньшей мере, остались в стороне от боевых действий. От этого, в первую очередь, выиграл южноамериканский футбол. Результаты его развития проявились не только на игровом поле, где в финале чемпионата мира 1950 г. друг другу противостояли Уругвай и Бразилия, но и в спортивной политике: в период с 1945 по 1955 гг. процент европейских футбольных союзов в FIFA снизился с 54 % до 42%.¹² Поэтому делегатам из Южной Америки на Генеральных Ассамблеях было легко противопоставлять европейским делегациям большинство своих голосов, особенно тогда, когда CONMEBOL организовала голосование по блокам. Во многом под влиянием этого опыта ведущие европейские деятели футбола в FIFA в начале 50-х годов осознали необходимость основания независимой конфедерации для лучшего представительства европейских интересов. Таким образом, в 1955 году возник Европейский союз футбольных ассоциаций (Union des Associations Européennes de Football — UEFA).

Кроме того, после 1945 европейский футбол пострадал от холодной войны. В то время как на многие другие виды спорта этот конфликт оказал вполне позитивное влияние, благодаря тому, что государственные дотации теперь снова направлялись в спорт, с футболом дело обстояло иначе. Так как в Восточном блоке очень быстро поняли, что находящиеся на государственном обеспечении спортсмены-любители не выдержат конкуренции против западных профессионалов, то таланты отправлялись скорее в другие виды спор-

World Football // Eisenberg (Hg.). *Football Culture. Local Contexts, Global Visions*. London, 2000. S. 258 f.; Matthias Marschik. *Between Manipulation and Resistance: Viennese Football in the Nazi Era* // *Journal of Contemporary History*. 34. 1999. S. 215–229.

¹² Собственная оценка на базе обзора, составленного Heidrun Homburg для упомянутого в прим. 1 проекта FIFA. FIFA: *Affiliated National Associations (Year of Affiliation)*.

та, нежели в футбол. В числе пострадавших оказался до сих пор такой успешный центральноевропейский футбол. Венские клубы лишились противников в Венгрии, Чехословакии и Югославии, потерпели неудачу и все попытки вернуть к жизни столь популярный когда-то Кубок Митропа (1927-1939).¹³ Только под эгидой UEFA сложился образ новой, ориентированной, правда, на этот раз скорее на Западную Европу турнирной системы. Начиная с 1955–56 гг. стал разыгрываться «Кубок Европейских Союзов мастеров» («Pokal der Europäischen Meistervereine»), а с 1960 – «Кубок победителей Кубков», который в 1971–72 гг. был переименован в «Кубок UEFA». Для команд отдельных стран с 1968 г. каждые четыре года стали организовывать Чемпионат Европы. К этому добавились еще турниры молодежных команд.

Вызов европейскому футболу бросала и растущая внеевропейская конкуренция. В конце 60-х годов особенно много хлопот европейцам доставила деколонизация Африки и Азии, так как вследствие этого процесса возникло много новых государств, которые стремились в FIFA, чтобы на футбольной арене представить себя мировой общественности. Большинство этих новичков были родом из Африки: 31 из 43 новых членов FIFA, вступивших в международный футбольный союз в течение десятилетия между 1957 и 1967 гг., были представителями этого континента.¹⁴

Однако лишь за меньшинством союзов-членов FIFA стояли «футбольные нации». К тому времени в крупных городах Азии и Африки британские, французские и бельгийские колониялисты уже организовали клубы и турниры, так что активистам не пришлось начинать с нуля. Однако невероятная нищета, неразвитая инфраструктура и нестабильные политические отношения во многих случаях представляли непреодолимые препятствия для должной организации игр.¹⁵ После проведенного в 1970 г. среди членов FIFA сбора данных, обозначилась отрезвляющая картина: несмотря на то, что основанная в 1957 г. Африканская футбольная конфедерация (Confédération Africaine de Football – CAF) объединяла в то время 28 % всех зарегистрированных футбольных союзов, на нее приходилось только 3 % команд и игроков. Аналогично дело обстояло и с Азиатской футбольной конфедерацией (Asian Football Confederation – AFC). Статистики карибских и океанских конфедераций также создавали впечатление, что представители футбола из этих регионов мира хотя и полны энтузиазма, но не располагают серьезной базой.¹⁶

Так как голосования в FIFA проводились по принципу «one country – one vote», деколонизация привела к конфликтам и новым перестановкам сил в Генеральной Ассамблее; ведь доходы FIFA шли, прежде всего, из Европы. Наконец, в 1974 г. благодаря голосам стран третьего мира президентом FIFA был избран неевропеец: бразильский предприниматель Жоао Авеланж (João

¹³ Ср. Matthias Marschik, Doris Sottopietra. *Erbfeinde und Haßlieben. Konzept und Realität Mitteleuropas im Sport*. Münster, 2000. S. 319 ff.

¹⁴ См. прим. 12.

¹⁵ Ср., напр., T. Monnington. *Crisis Management in Black African Sport* // J. C. Binfield, J. Stevenson (Hg.). *Sport, Culture and Politics*. Sheffield, 1993. S. 123., а также Paul Dietschy. *Sport and decolonisation: the French and Belgian Examples*. Unveröff. Ms. Besançon, 2000.

¹⁶ Fédération Internationale de Football Association, Report Covering the Period from June 1970 til June 1972, presented to the FIFA General Congress in Paris, 22/23 August 1972.

Havelange). На этом посту он сменил педантичного сэра Стэнли Роуза из Великобритании, который не выказывал особенного сочувствия проблемам этих стран, а иногда даже допускал колониалистские выпады.

С Авеланжем для FIFA настали новые времена. Новый президент не только последовательно проводил политику коммерциализации Кубка мира (World Cup) и открыл для FIFA совершенные новые источники доходов от спонсорства, рекламы и продажи телевизионных прав. Он заботился также о том, чтобы большая часть от полученных таким образом миллионов выделялась для программ содействию развития футбола в странах третьего мира. Если до сих пор за пределами Европы FIFA проводила разве что курсы судей, то теперь для нуждающихся стран организовывались тренерские академии, спортивно-медицинские курсы и административная поддержка. Частью этого содействия развитию футбола стали и проводимые при спонсорской поддержке таких фирм, как Coca Cola и Adidas, чемпионаты мира для молодежных команд, с участниками в возрасте до 20 или до 17 лет, ориентированные, прежде всего, на африканские, азиатские, карибские и южноамериканские страны. Влияние этой политики на международный футбол сказалось в частности в 1982 г., когда количество участников финала Кубка мира с 16 увеличилось до 24, так что африканцы и азиаты впервые получили постоянные составы. До сих пор решение о том, кто будет участвовать и получит выгоду от перераспределения доходов от Кубка мира FIFA, всякий раз принималось по результатам Play-off между победителями от обоих континентов.

Преемник Авеланжа, Йозеф С. Блаттер, с 1998 придал политике FIFA по поддержке развития футбола еще большую масштабность, так как доходы от продаж телевизионных прав в новейшее время возросли до миллиардов. До избрания президентом FIFA, Блаттер в качестве технического директора и генерального секретаря FIFA в течение двадцати лет занимался реализацией программ содействия развитию и с самого начала выступал за решительную глобальную политику. Этим он нажил себе врагов, в первую очередь в UEFA. Поэтому спровоцированные им конфликты, которые в последние годы проявлялись на некоторых конгрессах FIFA, по своей структуре являлись конфликтами между европейскими и внеевропейскими интересами. Африканские страны, чью благосклонность Блаттер снова и снова себе обеспечивает, играют здесь в настоящий момент роль «последнего довода».¹⁷ В связи с этим нет никакой уверенности, что такая политика поддержки развития будет продолжаться еще долгое время.

Модернизация европейского футбола

Для классических «футбольных наций» Европы и Южной Америки с 1960–70-х гг. игра тоже значительно изменилась. Начиная с середины 80-х гг., особенно отчетливо стало проявляться влияние средств массовой информации и сопутствующей им коммерциализации игрового движения.

Важнейшим новшеством по сравнению с предшествующими десятилетиями стало изменение структуры финансовой базы футбола экстра-класса.

¹⁷ Ср.: Paul Darby. *Africa, the FIFA Presidency and the Governance of World Football: 1974, 1998 and 2002* // *Moving Bodies*. 1. 2003. S. 47–61.

Сегодня крупные клубы лишь малую часть своих доходов получают от продажи входных билетов и обеспечивают свое существование продажей телевизионных прав, а также «мерчендайзингом» — передачей фирменных знаков за лицензионное вознаграждение. Вмешательство рыночных принципов привело к тому, что были отменены максимальные оклады и регламентация переходов, в значительной степени утерян картельный характер лиг, а сама профессия футболиста приобрела новое качество. Профессионалы, как и раньше, находятся в состоянии зависимости, однако, по крайней мере, суперзвезды являются одновременно и предпринимателями в собственном деле. Совместно с клубами они продают «переживания» и становятся актерами шоу-бизнеса.

Кроме того, изменилась и публика футбола. Вместо «local club supporters», как называет социально-научное исследование спорта традиционных, принадлежащих, как правило, к мужскому полу болельщиков, сегодня доминируют «soccer interested consumers», среди которых впервые отмечено большое количество женщин. Главную роль в привлечении женской части населения к футболу сыграло представительство средств массовой информации.

Эти эффекты модернизации, с одной стороны, являются результатом организации проведения чемпионатов мира в европейских странах, с другой — результатом размывания границ конфессиональных, классовых и этнических субкультур. В Англии, которая после добровольной изоляции в течение межвоенного времени в 1946 г. снова вернулась в клуб великих, в качестве дополнительных факторов добавились бесчинства фанатов («Hooligans») и потребность в обновлении построенных в XIX в. стадионов. Важнейшим мотивом модернизации не только английских, но и других европейских клубов было желание учесть направление развития к обществу сферы услуг и обусловленные этим изменения структуры занятости. Тенденция к зрелищному футболу также, поэтому, является реакцией на специфические потребности этой сравнительно состоятельной клиентуры.

Будущее футбола

Футбольная общественность нередко с удивлением, а зачастую и с тревогой осознает, что широкая коммерциализация этого спорта сопровождается сегодня исключительной легкостью в выборе и смене идеалов. Связи новой публики с клубами стали слабее, она больше ориентирована на успех и склонна менять свои предпочтения в отношении определенных команд «как рубашки». Вследствие этого футбол больше не может рассчитывать на укорененную в конкретной социальной системе социальную базу, а должен абстрактно «питаться от истории», по выражению Дирка Шюмера, остроумного наблюдателя немецкой Бундеслиги.¹⁸

На фоне представленного в данной статье экскурса в историю футбола XX столетия такие опасения кажутся необоснованными. Во-первых, современный футбол с самого начала был игрой для индивидуумов, которые не имели подлинной связи с растущими сообществами; можно даже сказать, что он

¹⁸ Dirk Schümer. *Gott ist rund. Die Kultur des Fußballs*. Berlin, 1996. S. 117, 119.

использовал тенденции индивидуализации XX века и компенсировал их различными способами. Поэтому футбол во многом заимствовал свои общественные идеологии у уже существующих сообществ, в первую очередь у нации. Во-вторых, современный футбол в течение своей более чем столетней истории уже давно превратился в культурное достояние *sui generis*. Ему больше не нужна поддержка неспортивных смысловых связей, потому что для своих приверженцев он сам по себе представляет смысловую связь. С этой точки зрения, будущее футбола, по сути, зависит от того, будет ли и каким образом в дальнейшем увеличиваться развлекательная ценность игры. На многие факторы, играющие при этом роль, например, экономическое развитие и всеобщую безопасность мероприятий (ключевое слово «терроризм»), ответственные лица могут иметь лишь весьма ограниченное влияние. Однако они могут повысить качество спортивного соперничества и, таким образом, доставлять зрителю больше удовольствия. Кратко обрисованная политика развития FIFA и общая готовность европейцев к перераспределению значительных доходов от футбольного бизнеса в этом аспекте также приобретает стратегическое значение.

Перевод с немецкого Людмилы Картуновой